

Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями

Ирина Сергеевна Юрьева

Данная глава посвящена языковым различиям между двумя частями Галицко-Волынской летописи – условно «галицкой» (далее ГЛ) и условно «волынской» (далее ВЛ).

Для определения точной границы между ГЛ и ВЛ необходимо совместить три подхода: исторический, текстологический и лингвистический. Чисто исторический подход не даёт окончательного решения: так, по М. С. Грушевскому¹⁷⁸, ГЛ заканчивается рассказом о событиях 1255 г., по Л. В. Черепнину, последняя статья ГЛ – статья за 1260 г.¹⁷⁹ (то есть, учитывая смещение годовой сетки на пять лет из-за автоматической датировки при присоединении к Киевской летописи, это тоже события вокруг 1255 г.); та же датировка и у А. Н. Ужанкова¹⁸⁰. В работе И. П. Еремина¹⁸¹ началом Волынской летописи считается статья за 1259 г. Согласно В. Т. Пашуто, Галицкая летопись доходит до 1263 гг.¹⁸²

Текстологический анализ Галицко-Волынской летописи даёт иные результаты и отодвигает границу дальше – до событий, датированных 1265 г., потому что именно до этой статьи включительно в летописи встречаются цитаты из компилятивного хронографа, в котором содержится *Хроника* Иоанна Малалы, библейские книги, *Александрия*, *Хроника* Георгия Амартола, *История иудейской войны* Иосифа Флавия¹⁸³. Позже этой статьи новых цитат из хронографа нет – только повторяющиеся, которые могли быть заимствованы из предыдущего текста.

¹⁷⁸ ГРУШЕВЬСКИЙ, Михайло С. *Исторія української літератури*. Т. 3. Київ 1993.

¹⁷⁹ Черепнин, Л. В. Летописец Даниила Галицкого, с. 230.

¹⁸⁰ УЖАНКОВ, Александр Н. «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания. In: ДЕМИН, Анатолий С. (ed.). *Герменевтика древнерусской литературы*, т. 1. Москва 1989, с. 281–282.

¹⁸¹ ЕРЕМИН, Игорь П. Волынская летопись 1289–1290 гг. *Труды Отдела древнерусской литературы*. 1957, 13, с. 102–117.

¹⁸² ПАШУТО, В. Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*, с. 92.

¹⁸³ ОРЛОВ, Александр С. К вопросу об Ипатьевской летописи. *Известия ОРЯС Академии наук*. 1926, 13, с. 103–123.

В лингвистических работах, посвященных Галицко-Волынской летописи или учитывающих её в исследовании, отмечаются резкие различия между галицкой и волынской её частями, а в качестве границы между ГЛ и ВЛ указаны статьи за 1260 и 1261 гг.¹⁸⁴

Если учитывать все вышеприведённые данные, можно заключить, что именно со статьи 1261 г. начинается активное редактирование окончания Галицкой летописи (записи с 1261 по 1265 г.) волынским редактором. Яркие особенности статьи за 1261 г., такие как, например, 15 инфинитивных *начати*-конструкций при 14 во всём предыдущем тексте, 8 глаголов на *роз-* (до 1261 г. их всего 10) и под.¹⁸⁵ говорят о том, что с точки зрения языка необходимо разделить Галицко-Волынскую летопись на ГЛ (1201–1260 гг.) и ВЛ (1261–1292 гг.), и именно так граница между летописями проводится в данной работе.

Анализ лингвистических параметров ГЛ и ВЛ даёт представление и об их стилистических различиях. Для сравнения привлекаются данные других древнерусских летописей: книжной и включающей в себя многие архаичные элементы *Повести временных лет* (по Ипатьевскому списку – далее ПВЛ), Новгородской Первой летописи старшего извода по Синодальному списку (далее НПЛ), в которой – хотя и в различных её частях в неодинаковом соотношении – встречаются «новгородизмы»¹⁸⁶, Киевской летописи по Ипатьевскому списку (далее КЛ), существенная часть которой (прямая речь светских лиц) очень близка живому языку¹⁸⁷ и Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку (далее СЛ). Как уже отмечалось в научной литературе, первая часть Галицко-Волынской летописи до статьи 1261 г. характеризуется ориентацией на высокие книжные образцы, а повествование ВЛ гораздо более свободно включает в себя элементы живой речи.¹⁸⁸ Эти противоположные установки летописцев очень заметны на уровне грамматики.

¹⁸⁴ ГЕНСЬОРСКИЙ, Антін І. *Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості)*. Київ 1961, с. 9–10; ВОРТ, Дин. К проблеме датировки Галицко-Волынской летописи. In: ВОРТ, Дин. *Очерки по русской филологии*. Москва 2006, с. 267; ШЕВЕЛЕВА, Мария Н. Вторичные имперфективы с суффиксом -ыва-/ива- в летописях XII–XVI вв. *Русский язык в научном освещении*. 2010, 20, с. 216.

¹⁸⁵ ЮРЬЕВА, И. С. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи, с. 137.

¹⁸⁶ ЗАЛИЗНЯК, Андрей А. *Древненовгородский диалект*. Москва 2004, с. 12.

¹⁸⁷ ЗАЛИЗНЯК, Андрей А. *«Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста*. Москва 2008, с. 55.

¹⁸⁸ ГЕНСЬОРСКИЙ, Антін І. *Галицько-Волинський літопис*, с. 46–50; 111; 112; 154; 240–241; 262 и др.

1.0. Существенные различия между ГЛ и ВЛ наблюдаются в глагольной системе, в частности, в системе прошедших времён. Представим данные в виде таблицы.

Таблица 1. Система прошедших времён

			ГЛ	ВЛ	ПВЛ	НПЛ	КЛ	СЛ
Аорист			2015 (83%)	1091 (67%)	4320 (80%)	3325 (91%)	5933 (75%)	3807 (84%)
Перфект			63 (3%)	149 (9%)	275 (5%)	109 (3%)	779 (10%)	222 (5%)
	+связка	1 л.	3	36	20	12	137	16
		2 л.	10	21	51	19	181	34
		3 л.	23	0	124	6	40	20
	б/связки	1 л.	3 (50%)	9 (20%)	5 (20%)	4 (25%)	27 (17%)	5 (23%)
		2 л.	0	7 (25%)	1 (2%)	1 (5%)	8 (4%)	3 (8%)
		3 л.	24 (51%)	76 (100%)	75 (38%)	67 (92%)	386 (90%)	144 (88%)
Плюскв.	всего		76 (3%)	53 (3%)	64 (1%)	56 (2%)	263 (3%)	127 (3%)
	«русский»		0	3 (6%)	0	2 (4%)	18 (7%)	4 (3%)
Имперфект	всего		247 (10%)	236 (14%)	628 (12%)	108 (3%)	769 (10%)	292 (7%)
	нестяж.		25 (9%)	3 (0,4%)	0	0	0	0
<i>Начати</i> +инф.			13 (0,5%)	108 (7%)	171 (3%)	48 (1%)	233 (3%)	70 (2%)

При подсчёте аористов исключены формы от *начати* (*почати*): они приводятся отдельно – и употребления в составе сложных форм.

В скобках в строках «всего» после количества форм прошедшего времени указан процент от общего числа претеритов. Для перфекта, имперфекта и плюсквамперфекта также дополнительно отмечен относительный процент соответственно форм без связки, нестяжённых форм и прошедшего сверхсложного (так называемого «русского плюсквамперфекта») в соответствующих строках.

1.1. Самая высокая частота употребления во всех памятниках сохраняется у аориста – основной повествовательной формы летописного текста; наиболее низкий процент его использования – в ВЛ (67%). Это меньше, чем даже в КЛ (74%), повествование которой в целом из всех летописей, взятых для сопоставления, наиболее близко живому языку.

Таким образом, несмотря на то, что аорист остаётся самым частотным претеритом в ВЛ, он употреблён существенно реже по сравнению с другими летописными памятниками и уже уступает часть своих традиционных контекстов живым древнерусским формам прошедшего времени.

1.2. Как видно из таблицы, ГЛ и ВЛ резко различаются по употреблению перфекта (соответственно 3% и 9% от общего числа претеритов).

В ГЛ эта живая глагольная форма используется крайне редко. Такой низкий процент даёт ещё только НПЛ, повествование которой – по большей части простая фиксация событий – строится практически из одних аористов. Если взять неокруглённые результаты, то даже и в НПЛ в процентном соотношении всё же несколько больше перфектов – 2,9% при 2,6% ГЛ.

Всё это позволяет предполагать намеренное избегание галицким летописцем древнерусских форм с целью сделать повествование более престижным.

В ВЛ, напротив, перфект активно используется. Как и в случае с аористом, процент перфектов ВЛ (9%) ближе всего к КЛ (10%), и это свидетельствует в пользу того, что волынский повествователь достаточно свободно впускает в свой текст живую форму.

1.2.1. В галицкой и волынской частях Галицко-Волынской летописи различается также употребление форм перфекта со связкой и без связки, особенно в третьем лице: в живом древнерусском языке в третьем лице перфекта связки не было.¹⁸⁹

Распределение форм 3 л. со связкой и без связки в ГЛ (51%) похоже на их соотношение в ПВЛ (38%), при том что в остальных летописях, более ранних по сравнению с Галицкой, употребляются уже практически исключительно формы без связки, – то есть заведомо архаизировано. Соответственно, ГЛ вновь даёт картину более престижного текста по сравнению с ожидаемым.

¹⁸⁹ Ср.: ХАБУРГАЕВ, Георгий А. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке. *Вестник МГУ, сер. 9. Филология.* 1978, 2, с. 42–53; ШЕВЕЛЕВА, Мария Н. Судьба форм презенса глагола БЫТИ по данным древнерусских памятников. *Вестник МГУ, сер. 9. Филология.* 2002, 5, с. 61.

ВЛ по употреблению форм перфекта без связки похожа на НПЛ, КЛ и СЛ, но если в этих памятниках некоторое количество форм наподобие *пришьль есть* всё же встречается, то волынский летописец вовсе не использует в третьем лице форм со связкой, отражая древнерусский узус.

1.3. Что касается распределения форм плюсквамперфекта, то и в этом отношении ГЛ оказывается похожа на ПВЛ. В ГЛ всего 76 плюсквамперфектов, но при этом ни разу не зафиксировано «русского плюсквамперфекта» – та же картина наблюдается в ПВЛ, где не встречается ни одного употребления живой сверхсложной формы на 64 церковнославянских. Остальные привлекаемые для сравнения летописи совпадают с ВЛ, причём наиболее близка ВЛ здесь к книжной КЛ.

1.4. Из 247 форм имперфекта в ГЛ 25 (9%) представлены в нестяжённой форме: *спъашеть* (л. 248 об.), *имѣахоу/имѣахоу* (лл. 245 об., 265, 267, 274 об.) и 18 форм глагола *быти*: *бѣаше* (лл. 254 об., 261, 265, 266, 267), *бѣашеть* (л. 258), *бѣашеть* (л. 262), *бѣаста* (л. 246), *бѣаста* (л. 262), *бѣахоу* (лл. 251 об. х2, 252, 257, 258, 260 об., 265, 271 об., 277 об., 279), *бѣахоуть* (л. 252). В ПВЛ, НПЛ, КЛ и СЛ нет ни одной нестяжённой формы имперфекта, то есть в ГЛ мы снова имеем дело со стремлением соблюсти высокие книжные стандарты. Интересно, что и в ВЛ трижды встречается нестяжённый имперфект, но уже с лексическими ограничениями – только от инфинитива *быти*: *бѣаше* (л. 304), *бѣашеть* (л. 288 об.), *бѣахоу* (л. 287). По всей вероятности, причиной употребления в ВЛ нестяжённых форм – как и повторения цитат из хронографа – служит, в свою очередь, ориентация уже на ГЛ.

1.5. ГЛ и ВЛ заметно различаются по степени представленности в них инфинитивных конструкций с глаголом *начати* (*почати*). Такие конструкции имеют значение ‘(с данного момента времени) ситуация (обозначенная инфинитивом) начнёт/начала существовать’, например: (3) «А иже изломить копье, любо щить, любо портъ, а *начнетъ хотѣти* (*захочет/ ‘станет хотеть’*) его деръжати оу себе, то приати скота оу него...» (РП, ст. 17); (4) «видивъ бо Лестько се. и *поча имѣти* любовь великоу (*стал проявлять большую приязнь*). ко кнзю Данилоу» (ГЛ, л. 248 об., под 1211 г.); (5) «Въ прежерченом же лѣтѣ Миндовгова оубитьа. бы(с) свадьба оу Романа кназа. оу Браньского. и *нача ѿдавати* (‘стал выдавать’) милоую свою дочерь именемъ Сѡлгоу. за Володимера кназа снѣ Василкова внука великаго кназа Рома(н) Галичкаго» (ВЛ, л. 287, под 1264 г.).

Начьно-конструкции характерны для восточнославянских памятников письменности, в источниках южнославянского происхождения их крайне мало¹⁹⁰. Среди же собственно восточнославянских памятников именно в летописных текстах представлено наибольшее количество *начьно*-оборотов с инфинитивом¹⁹¹. Абсолютное большинство таких конструкций – с претеритами: так, например, в НПЛ нет ни одного оборота с презенсом при 108 претеритных, в ПВЛ оборотов с презенсом и претеритами соответственно 20 и 171, в КЛ 6 и 233, в СЛ 2 и 70. Что касается самой формы претерита, то как правило, это аорист. С имперфектом и перфектом зафиксированы единичные примеры (из всех летописей, взятых здесь в качестве примера, с имперфектом отмечены два случая в ПВЛ, с перфектом – по одному примеру в ПВЛ, НПЛ, КЛ и СЛ).

Как показывают данные летописей, можно считать, что конструкции «(претерит) *начати* + инфинитив» встроены в систему прошедших времён – возможно, на месте исчезнувшего в живом языке имперфекта. «*Начати (почати)* + инфинитив» с претеритами зафиксированы в ГЛ всего 13 раз, при том что в меньшей по объёму почти в полтора раза ВЛ таких сочетаний 108. Если сравнивать даже чисто количественные показатели, ГЛ резко отличается от других древнерусских летописей: так, в ПВЛ *начати/почати* в претеритных формах с инфинитивом встречается 171 раз, в КЛ – 233 раза, в СЛ – 70, в НПЛ – 48. По отношению ко всем формам прошедших времён *начьно/почьно*-конструкции составляют в летописях, взятых для сравнения, от 1,5 до 3%: в ПВЛ 3,2%, в КЛ 3%, в СЛ – 1,5%, в НПЛ – 1,3%. По отношению к этим данным процент инфинитивных сочетаний с *начати/почати* в ГЛ необычайно мал (всего 0,5%), а в ВЛ – необычайно велик (6,6%).

Как было сказано выше, рассматриваемая инфинитивная конструкция с прошедшими временами в южнославянских памятниках, где имперфект и аорист являются живыми формами, практически не встречается. В древнерусских же летописях в разной степени отражается проникновение живых форм аналитического прошедшего с *начати (почати)*. Таким образом, ГЛ демонстрирует скорее отталкивание от живых

¹⁹⁰ О редкости оборотов с презенсом см.: ВАЙАН, Андре. *Руководство по старославянскому языку*. Москва 2004, с. 377; BIRNBAUM, Henrik. *Untersuchungen zu den Zukunftschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen*. Stockholm 1958, S. 194. О малочисленности конструкций с претеритами см. ПИЧХАДЗЕ, Анна А. *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*. Москва 2011, с. 346.

¹⁹¹ Ср.: ЮРЬЕВА, Ирина С. Инфинитивные конструкции с глаголом НАЧАТИ (ПОЧАТИ). In: *Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса (коллективная монография)*. (В печати).

конструкций и ориентацию на церковнославянские памятники, а в ВЛ, напротив, широко представлены живые древнерусские речевые обороты, причём намного больше, чем в книжной и тоже южнорусской КЛ. Анализ системы прошедших времён в ГЛ и ВЛ показывает, что летописец ГЛ следует высоким книжным стандартам и обеспечивает престижность тексту за счёт избегания древнерусских форм в пользу церковнославянских, в то время как волынский позволяет себе употреблять живые формы в среднем даже чаще, чем в других летописях.

2.0. Летописец ВЛ использует также глагольные обороты, которые вовсе не встречаются в других ранних летописях.

Между ГЛ и ВЛ наблюдается чёткое распределение инфинитивных сочетаний с *имамь* и *имоу*: в ГЛ используется только *имамь*, в ВЛ – только *иму*.

2.1. Что касается форм *имамь*, *имаши*, *имать*..., то во всех четырех контекстах ГЛ это глагол в сочетании с инфинитивом имеет значение долженствования¹⁹², контексты – предсказания или клятвы, обычно насыщенные книжными цитатами¹⁹³193, ср.: (5) «рекшю емоу ако не *имать встати(с)* градъ Галичъ (*Галичу не выстоять*). нѣ(с) кто избавлал и ѿ роукоу моею» (под 1229 г., л. 257 об.); (6) нынѣ же клатвою клену ти(с). яко николи же. вражды с тобою *не имамь имѣти*» ([*ни за что*] *не стану враждовать с тобой* – под 1238 г., л. 264 об.). Подобные обороты были, по всей видимости, маркированно книжными¹⁹⁴194. Они крайне немногочисленны в летописных текстах. Из летописей, приводимых для сравнения, конструкции «*имамь* + инфинитив» встречаются в КЛ, СЛ и НПЛ (в первых двух – по одному разу) и употребляются так же, как и в ГЛ: контексты с этими инфинитивными сочетаниями содержат во множестве другие книжные обороты, клише; типы контекстов, как и

¹⁹² Ср. об этом: ПОТЕБНЯ, Александр А. *Из записок по русской грамматике*, т. 1–2, Москва 1958, с. 356; МУСТАФИНА, Эльмира К. *Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет»* (канд. дисс.). Душанбе 1984, с. 9; МУСТАФИНА, Эльмира К. – ХАБУРГАЕВ, Георгий А. Проблема древнерусских форм сложного будущего с глаголами *имамь*, *хошу* и *могу* (на материале ПВЛ по спискам XIV–XVI вв.). *Вестник МГУ, сер. 9. Филология*. 1985, 2, с. 20–32; ЮРЬЕВА, Ирина С. Инфинитивные сочетания с глаголами ИМАМЬ и ИМОУ в древнерусских текстах. *Русский язык в научном освещении*. 2011, 22, с. 68–88.

¹⁹³ ЮРЬЕВА, И. С. Инфинитивные сочетания с глаголами ИМАМЬ и ИМОУ в древнерусских текстах, с. 72–74.

¹⁹⁴ Там же, с. 72.

в ГЛ, жёстко определены – клятвы или предсказания. В НПЛ как старшего, так и младшего изводов *имамь*-конструкции встречаются только во вставных текстах, в основном из ПВЛ, и, по всей видимости, вообще нехарактерны для новгородской зоны.

Галицкий летописец, как и во всех представленных выше случаях, ориентируется на высокие церковнославянские образцы.

2.2. Обороты «*ймоу* + инфинитив» встречаются только в Волынской летописи. Контексты с *ймоу* менее книжные по сравнению с записями, содержащими *имамь*-обороты, описываются обыденные ситуации, никаких специфических контекстных ограничений нет, что говорит об использовании в тексте летописи форм, свойственных именно живому языку¹⁹⁵, ср.: (7) «А кнагини моа. по моемъ животѣ. вже восхочеть в черничѣ поити поидеть. аже не восхочеть ити. а како еи любо. мнѣ не воставши смотреть что кто *иметь чинити (станет делать)*. по моемъ животе» (под 1283 г., л. 299 / 299 об.).

Вновь ГЛ и ВЛ представляют собою два противоположных полюса: в ГЛ фигурирует престижный оборот, ВЛ отдаёт предпочтение живой и, возможно, вообще недопустимой ранее в языке летописей разговорной форме.

3. В ГЛ и ВЛ по-разному оформлены конструкции «частица + индикатив» со значением долженствования.

Таблица 2. Конструкции «частица + индикатив» со значением долженствования

	ГЛ	ВЛ	ПВЛ	НПЛ	КЛ	СЛ
<i>да</i> +	45	5	186	7	37	38
<i>ать/оть/ато</i> +	0	6 (55%)	6 (3%)	3 (30%)	49 (57%)	10 (20%)

Как видно из представленных данных, в ГЛ употребляется только церковнославянская частица «да», причём даже в «бытовых» контекстах, например: (9) «Данило посла Костантина. рекомаго Положишила.

да побереть на нихъ дань» (л. 279, под 1257 г.). В ВЛ из 11 конструкций

¹⁹⁵ О наличии в живом древнерусском языке *ймоу*-оборотов см.: КУЗНЕЦОВ, Пётр С. *Историческая грамматика русского языка. Морфология*. Москва 2004, с. 255, а также ГУДКОВ, Владимир П. Параллель из истории форм будущего времени в сербскохорватском и русском языках. In: ГУДКОВ, Владимир П. *Исследование частных вопросов истории славянских языков*. Москва 2007, с. 21.

в пяти (45%) употребляется частица «да», причём имеются ограничения на её использование – «да + индикатив» зафиксированы только в заведомо книжных контекстах: похвальных словах или молитвах – ср.: (10) «ѡтрѣси сонъ возведи ѡчи да видиши каковая тѣ ч(с)ти Г(с)ь тамо спо(д)би» (под 1289 г., л. 304 об.). В остальных шести случаях (55%) употребляется «ать», ср.: (11) «Володимѣрь же... р(ч)е княгинѣ свои иди же повѣсти с нимъ. та ѡради и ать поѣдетъ прочь» (под 1287 г., л. 301). ГЛ по отношению к приведённым оборотам отражает «крайнюю» степень книжности: даже в ПВЛ имеются 6 конструкций с «ать» (3%) на 186 примеров с «да».

В ВЛ соотношение книжных и живых конструкций ближе всего к КЛ. Как и в других рассмотренных ранее точках сопоставления двух частей Галицко-Волынской летописи, из всех сравниваемых текстов ГЛ и ВЛ максимально несхожи между собою.

4.0. Общий вектор деятельности галицкого и волынского книжников хорошо виден также на примере использования причастий.

Таблица 3. Особенности употребления причастий

		ГЛ	ВЛ	ПВЛ	НПЛ	КЛ	СЛ
ДПНВ	суффикс с -ч-	4 (1%)	23 (20%)	29 (5%)	47 (37%)	234 (36%)	28 (7%)
	суффикс с-щ-	365	93	538	80	410	394
Dativus abs./причастия		720 / 1601 (45%)	103 / 625 (16%)	376 / 2335 (16%)	47 / 750 (6%)	287 / 3133 (9%)	294 / 2050 (14%)

В скобках в первой и третьей строке приводится соответственно процент действительных причастий настоящего времени (ДПНВ) с древнерусскими суффиксами от общего количества ДПНВ и процент оборотов «дательный самостоятельный» от общего количества причастий.

4.1. Действительные причастия настоящего времени с древнерусскими суффиксами *-ач-* (*-лч-*) и *-оуч-* (*-юч-*) в ГЛ встречаются всего 4 раза (1% всех употреблений действительных причастий настоящего времени). Это крайне мало: даже в архаичной и очень книжной *Повести временных лет* 29 таких форм (5%) имеют суффиксы с «ч».

4.2. Что касается обособленных причастных оборотов *dativus absolutus* («дательный самостоятельный»), далее ДС), то в ГЛ очень частотны конструкции с ними – их в процентном отношении почти в три раза больше максимального количества (16%) и почти в восемь раз больше минимального количества (6%) ДС в других ранних летописях. Как пишет М. Н. Шевелева, ДС – «основная нарративная стратегия летописца»¹⁹⁶.

Причастий, входящих в ДС, в ГЛ 720, то есть 45% от всех форм причастий. ДС в Галицкой летописи часто идут друг за другом в ходе повествования, например: (12) *Татаром же бѣгающимъ. Данилови же избиваючи (!) ихъ своимъ полкомъ. и Сѣлгови Коурьскомоу крѣпко бившимсѧ. инѣмъ полкомъ. сразившимсѧ с ними грѣхъ ради нашихъ. Роускимъ полкомъ побѣженнымъ бывшимъ. Даниль видивъ яко крѣпциши брань належить. в ратны(х). стрѣльцѣмъ ихъ стрѣляющимъ крѣпцѣ вбрати конь свои на бѣгъ. оустрѣмления ради противныхъ бѣжащую же емоу. и вжада воды (под 1224, л. 253); (13) «Мьстиславоу же пришедшу на рать. приде на Лысоую Гороу. Данилови же поѣхавшиу в лахы. и возведшиу княза Льстка и поиде противоу емоу. Мьстиславоу же помочь пославшиу Сѣлександрови срѣтившимъ же имъ рать вогнаша и в гра(д) Белзѣ. и за мало города не взяша. наутреа поидоша противоу имъ. Мьстиславоу же не стерпѣвшиу и возвратисѧ в Галичъ. Данилоу же князю воевавшиу с лахы землю галичьскоую...» (под 1225 г., л. 253 / 253 об.); (14) «Кондратови же ставшоу. кде нынѣ гра(д) Холмъ. стоять. пославшиу емоу. ко Червьноу воевать. Василковичем же срѣтившимъ е. и бившимсѧ с ними. поимаша ладьские боаре. приведоша е. пере-Данила. во Городокъ Михаилови же стоящоу на Подъгораи. хотащю снати сѧ с Кондратомъ. и вжидающю половець со Изяславомъ» (под 1235 г., л. 262); (14) «...бывшиу же межю ими. ввогда мироу. ввогда рати. ишедшу же Ростиславоу во поле. Боуже постѣвшиоу приде вѣсть Данилоу. во Холмѣ боудущю емоу. яко Ростиславъ сошелъ естъ на Литвоу со всеми боары. и сноузники семоу же прилоучившоусѧ. изииде Даниль со воии. со Холма. И бывшиоу емоу. третии днѣ оу Галичи. любѧхоуть же и гражане. подѣхавшиоу же емоу подъ городъ» (под 1235 г., л. 262 об.) – и т. п.*

Интересно, что в ВЛ неожиданно мало причастий с древнерусскими суффиксами (20%), при том что, например, в Киевской летописи, которая по многим количественным показателям с ВЛ сопоставима, их 36%. То же касается и оборотов «дательный самостоятельный» – их в ВЛ, на-

¹⁹⁶ ШЕВЕЛЕВА, М. Н. Вторичные имперфективы с суффиксом -ыва-/ива- в летописях XII–XVI вв. *Русский язык в научном освещении*. 2010, 20, с. 215.

против, неожиданно много (16%), что сближает её в этом отношении с архаичной ПВЛ и достаточно книжной СЛ. Возможно, здесь волынский повествователь в некоторой степени следует за галицким, хотя, конечно, всё равно его текст оказывается гораздо ближе даже к самым некнижным раннедревнерусским летописям, чем к соседней Галицкой.

5. Различия между Галицкой и Волынской летописями заметны, разумеется, не только в грамматике. Одна из ярких заметных черт – отражение рефлексов праславянских сочетаний с плавными. Если исключить личные имена типа *Володимирь* (поскольку в летописи нет неполногласных вариантов), географические названия и слова, встречающиеся только в виде TRAT / TLAT (*владыка*) или только в виде TOROT / TOLOT (*король*), всего в ГЛ неполногласных форм 452, форм с начальным ра / ла – 52, в волынской соответственно 46 и 24, при том что галицкая часть в полтора раза больше. Соотношение полногласных форм обратное: в галицкой части их 219, форм с начальным ро / ло – 13, в волынской – 445 и 43¹⁹⁷.

Если посмотреть по конкретным корням, как распределяются отдельные лексемы в ГЛ и в ВЛ, то получается следующее:

Таблица 4. Полногласные и неполногласные сочетания

		ГЛ	ВЛ	ПВЛ	НПЛ	КЛ	СЛ
корни							
	Волост-/власт	4/5 (44%)	1/0 (100%)	13/25 (34%)	38/8 (83%)	174/6 (97%)	44/20 (69%)
	Ворог-/враг-	3/11 (21%)	6/1 (86%)	3/24 (11%)	2/0 (100%)	29/11 (73%)	12/19 (39%)
	Ворот-/врат-	31/27 (53%)	21/13 (62%)	17/12 (68%)	32/15 (68%)	119/97 (55%)	66/91 (42%)
	Голов-/глав-	6/6 (50%)	6/2 (75%)	13/26 (33%)	27/4 (87%)	27/7 (79%)	13/8 (62%)
	Голод-/глад-	1/4 (20%)	3/0 (100%)	5/13 (28%)	3/7 (33%)	3/1 (75%)	3/2 (60%)

¹⁹⁷ В работе ГЕНСЬОРСКИЙ, Антін І. *Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості)* статистические данные немного отличаются от приведенных здесь: по всей видимости, критерии, по которым исключались отдельные формы, в указанной работе были несколько иными.

	Город-/град-	73/188 (28%)	197/3 (99%)	181/121 (60%)	173/81 (68%)	457/70 (87%)	278/139 (67%)
	Заборол- /забрал-	2/22 (8%)	9/0 (100%)	1/1 (50%)	2/0 (100%)	2/0 (100%)	0/0
	Золот-/злат-	3/14 (18%)	14/6 (70%)	19/28 (40%)	0/7 (0%)	36/38 (49%)	24/15 (62%)
	Коромол- /крамол-	1/4 (20%)	6/0 (100%)	0/1 (0%)	1/3 (25%)	0/0	0/3 (0%)
	Молод-/млад-	2/17 (10%)	5/1 (83%)	3/7 (30%)	2/2 (50%)	8/6 (57%)	6/10 (38%)
	Сторож- /страж-	10/1 (91%)	2/0 (100%)	10/2 (83%)	14/2 (88%)	26/1 (96%)	20/1 (95%)
	Съдорв- /съдрав-	0/2 (0%)	11/0 (100%)	1/2 (33%)	7/12 (37%)	17/2 (89%)	3/2 (60%)
	Хоробр- /храбр-	2/8 (20%)	4/0 (100%)	3/6 (33%)	0/1 (0%)	3/3 (50%)	1/4 (20%)
приставки	Роз(с)-/раз(с)	10/27 (27%)	36/7 (84%)	6/204 (3%)	28/49 (36%)	59/105 (36%)	29/83 (26%)

В скобках указан процент полногласных вариантов.

В целом данные ГЛ скорее близки к ПВЛ, а данные ВЛ – остальным летописям. Но некоторые особенности употребления полногласных / неполногласных корней в ГЛ необычны. Можно предположить, что в ГЛ мы имеем дело в искусственным «окнижнением» корней (ср. данные по корням «город-/град-», «золот-/злат-», «молод-/млад-», «хоробр-/храбр-»), соотношение которых резко отличается от всех остальных летописей. В пользу такого намеренного повышения престижа текста говорит также слово *странник* в значении ‘сторонник’, созданное, по всей видимости, искусственно¹⁹⁸.

Языковые особенности первой и второй частей Галицко-Волынской летописи рисуют «портрет» каждой из них. ГЛ – престижная придворная хроника, летописец ориентируется на самые высокие книжные стандарты, используя ради этой цели даже искусственно «окнижнен-

¹⁹⁸ ЮРЬЕВА, И. С. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи, с. 143–144.

ные» формы. ВЛ – гораздо более «вольные» записи: текст этой летописи достаточно близок к живому языку.

Эти два памятника, традиционно объединяемые общим названием, как правило, оказываются по языковым характеристикам гораздо меньше похожими друг на друга, чем по отдельности – на другие раннедревнерусские летописные памятники. Такими «сёстрами», как показывают приведённые выше данные, обычно оказываются для ГЛ – *Повесть временных лет*, для ВЛ – Киевская летопись.